

ТРУДЫ
СЕДЬМИГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА
ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ

1887

Подъ редакціей графини Уваровой

Томъ II

МОСКВА

Типографія Э. Лиснера и Ю. Ромава, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера

1891



Надгробный памятникъ Тимура въ Самаркандѣ.

Н. И. Веселовскаго.

Городъ Самаркандъ, извѣстный намъ со временъ походовъ Александра Великаго, испытавшій на своемъ вѣку много разныхъ переворотовъ, возродился въ послѣдній разъ, послѣ Чингисханова погрома, какъ столица могущественнаго государства Тимура, болѣе у насъ извѣстнаго подъ именемъ Тамерлана.

Тимуръ, избравъ этотъ городъ своей резиденціей, сталъ украшать его съ тою удивительною энергіею, которая отличала всякую дѣятельность этого великаго завоевателя. Онъ прокладывалъ широкія улицы, что на востокѣ вовсе не принято, разводилъ сады, строилъ дворцы, воздвигалъ мечети. Объ этой страсти къ постройкамъ очень обстоятельно свидѣтельствуютъ Гонзалесъ де-Клавихо, посолъ Генриха III Кастильскаго, и біографъ Тимура — Шерефъ-эд-Динъ. И Тимуръ имѣлъ полную возможность удовлетворить свою страсть: изъ всѣхъ завоеванныхъ странъ, онъ, по примѣру Чингисхана, съ которымъ имѣлъ много общаго и которому старался подражать, вводилъ въ свою столицу ремесленниковъ и мастеровъ, по преимуществу изъ Персіи. Персидскіе мастера, отмѣтившіе имена свои на воздвигнутыхъ зданіяхъ, ввели персидское искусство въ Средней Азіи. Но какъ все заносное, не выросшее на родной почвѣ, оно тамъ не было прочно. Хотя персіане и передавали туземцамъ свои знанія, приемы, вкусы, хотя слѣды всего этого замѣтны въ Средней Азіи и нынѣ, но искусства среди сартовъ не развились, а постепенно клонились къ упадку и теперь находятся въ самомъ жалкомъ положеніи.

Тимуръ былъ очень религіозенъ и, несмотря на то, что едва ли кто истребилъ столько мусульманъ, какъ онъ, несмотря на нѣкоторыя нарушенія предписаній корана (относительно вина, напримѣръ), самъ считалъ себя, да и другіе считали, ревностнымъ мусульманиномъ, и любилъ выставлять на показъ свою религіозность. Поэтому, быть можетъ, Тимуръ и строилъ, главнымъ образомъ, мечети. Всѣ мечети его отличались грандіозностію и красотой. Облицовка ихъ состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ изразцовъ; надписи разными почерками помѣщены въ изобиліи какъ внутри, такъ и

снаружи. Достойнымъ подражателемъ Тимура на этомъ поприщѣ явился знаменитый внукъ его Улугъ-Бекъ (1447—1449).

Благодаря этимъ мечетямъ, ни одинъ городъ въ Средней Азіи не могъ итти въ сравненіе съ Самаркандомъ въ то время, да не можетъ сравниться и теперь, хотя мечети и медресе, не ремонтировавшіяся въ теченіе почти пяти столѣтій, пострадали отъ времени, отъ землетрясеній, отъ невѣжества туземцевъ и отъ военныхъ дѣйствій. Пострадали до такой степени, что нѣкоторыя обратились уже въ груды мусора. Только теперь русская администрація занялась, на глазахъ равнодушнаго населенія, охраненіемъ этихъ чудныхъ памятниковъ и поддерживаетъ ихъ, насколько возможно, отъ гибели. Въ настоящее время изъ самаркандскихъ мечетей лучше, сравнительно сохранились: Гуръ-эмиръ, Ширъ-даръ, Тилля-кари, Улугъ-бекова и отчасти Шахъ-зиндэ. Мечеть Биби-ханымъ доживаетъ послѣдніе дни.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ мечетей предназначались служить усыпальницами для многочисленной семьи Тимура, и въ этомъ отношеніи имъ проведена извѣстная система. Въ мечети Биби-ханымъ¹⁾ похоронены жены Тимура; всего 5 гробницъ. Въ Шахъ-зиндэ схоронены ближайшіе родственники его: братъ, сестра и тутъ же кормилица Тимура и ея дочь. Въ мечети Гуръ-эмиръ покоится, при немъ самомъ и его ближайшихъ потомкахъ, его учитель съ сыномъ. Гонзалесъ де Клавихо передаетъ, что Тимуръ желалъ быть погребеннымъ въ городѣ, въ которомъ онъ родился, въ Кешѣ (въ Шехрисябзѣ), гдѣ былъ похороненъ его отецъ, и выстроилъ для этой цѣли особую часовню при гробницѣ отца. Очень возможно, что таково и было намѣреніе Тимура прежде, такъ какъ тамъ онъ похоронилъ и перваго сына своего Джегангира; но впоследствии, должно полагать, измѣнилъ этотъ планъ.

Гуръ-эмиръ значитъ: могила эмира (т.-е. эмира Тимура). Мечеть эта замѣчательна не столько величиной, сколько отдѣлкой. Снаружи облицована она разноцвѣтными изразцами, внутри — красивымъ зеленоватымъ камнемъ (особаго рода прозрачный известнякъ). По стѣнѣ, въ видѣ широкаго пояса, идетъ надпись изъ корана. Плиты, на которыхъ высѣчены надписи, во время ремонта мечети, перепутаны. Мечеть состоитъ изъ двухъ ярусовъ²⁾. Нижній представляетъ склепъ, на полу котораго размѣщены надгробныя плиты надъ могилами похороненныхъ. Въ верхнемъ ярусѣ тоже устроены гробницы въ такомъ же размѣщеніи, какъ и внизу. Здѣсь похоронены: Тимуръ, два его сына: Миранъ-шахъ и Шахъ-Рухъ, внуки: Мухаммедъ-султанъ и Улугъ-бекъ, учитель Тимура Миръ-Сеидъ-Берке, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, и отдѣльно вправо гробница (безъ надписи), какъ мнѣ передавали, сына Сеида эмира Кулоля, самъ же эмиръ похороненъ въ Бухарѣ. Надписи имѣются не на всѣхъ гробницахъ. Облицовка нѣкоторыхъ памятниковъ обвалилась и замѣнена алебастромъ.

Надгробная плита въ склепѣ содержитъ стихи изъ корана (2-й сурѣ), а по бокамъ, въ видѣ бордюра, слѣдующую надпись: „Эта могила султана величайшаго, ха-

¹⁾ Биби-ханымъ значитъ: любимая жена.

²⁾ Мнѣ передавали, что есть еще третій ярусъ, гдѣ и находятся могилы, но положительно утверждать это я не берусь, хотя самъ видѣлъ, что въ одной стѣнѣ замурована какъ будто дверь; но можно предположить существованіе здѣсь михраба.

кана благороднаго, твердаго въ вѣрѣ и благочестіи эмира Тимура-курагана (зятя), сына эмира Тарагая, сына эмира Баргаля, сына эмира Илянгиря, сына эмира Абхаля, сына эмира Карачара, сына эмира Сугучджана, сына эмира Ирдамчи-Берлясь, сына эмира Кучулай-бегадура, сына эмира Туменай-хана“. Затѣмъ (слѣдуютъ): „Чингисъ-ханъ, сынъ эмира Ёсукай-бегадура, сына эмира Тартай-бегадура, сына эмира Кабуль-хана, сына эмира Юмтая, сына эмира Басангиря, сына эмира Кайду, сына эмира Юмтая, сына эмира Тука, сына эмира Буданджара. И неизвѣстенъ отецъ этого, только мать — Илангоа, которая забеременѣла отъ луча свѣта, а не была распутною, происходитъ отъ потомковъ Асадъ-Уллы (льва Божія).... Али сына Абу-Талиба (да прославить его Господь!). Скончался (Тимуръ) въ ночь 14-го шаабана 807 года (= 3-го февраля 1405 года)“.

Въ *Шейбани-намэ*¹⁾ родословіе это ведется такимъ образомъ: Алангоа, Бузанджаръ, Бука, Дутумъ-Менинъ-ханъ, Кайду, Байсангуръ, Туминэ-ханъ, Кабуль-ханъ, Кутила-каанъ, Исукай-бегадуръ, Чингисъ-ханъ.

У *Абуль-Гази* видимъ небольшую разницу: Алангоа, Буданджаръ-мунанъ, Бука, Дутумининъ, Кайду, Байсанкуръ, Тумене-ханъ, у котораго сыновья Кабуль и Каджулы. Отъ перваго изъ нихъ происходятъ: Буртанъ, затѣмъ Исукай-багадуръ, Чингисъ-ханъ. Отъ втораго: Иримчи-Барласъ, отъ котораго ведетъ свой родъ Аксакъ-Тимуръ.

Въ *Тарихи-сейидъ-Рахимъ* генеалогія Тимура, какъ представляли ее мусульманскіе писатели, излагается еще проще: Тимуръ сынъ Тарагая, сына эмира Баркаля, сына Илянгиря, сына Абхили, сына Карачаръ-нойяна, который сынъ дяди Чингисъ-хана. Отецъ этого Карачара Сугуджъ-ханъ, сына Ирдамчи-Берлясь, сына Каджулу-бегадура, сына Туменэ хана, сына Басангиръ хана, сына Кайду хана, сына Дуименъ хана, сына Бука хана, сына Бузанджаръ хана. Поколѣніе Бузанджара и родъ Чингисъ хана происходятъ черезъ Туменэ хана, который есть четвертый предокъ Чингисъ хана и девятый — Сахибъ-кирана (Тимура). Чингисъ-ханъ сынъ Ёсухай-бегадура, сына Бертанъ-бегадура, сына Кабуля, сына Туменэ.

Въ *Юань-чао-ми-ши*²⁾: Аланъхоа, Бодуангаръ, Хабики, Мѣняньтудунъ, Хачикюй-лукъ, Хайду, Бошинъ-хордохшинъ, Тунъбинай-сѣчанъ, Хабуль-хаханъ, Бартанъ-баатуръ, Ёсугай-баатуръ, Чингисъ.

Надо замѣтить, что Шерефъ-эд-Динъ³⁾ и сейидъ-Рахимъ⁴⁾ — день смерти Тимура относятся на 17-е шаабана. Думаемъ, что преимущество въ этомъ случаѣ принадлежитъ надгробному памятнику.

Послѣ этого отступленія переходимъ ко второму экземпляру надгробнаго памятника Тимура.

Въ верхнемъ ярусѣ, въ мечети, гробница Тимура представляетъ замѣчательную драгоцѣнность. Это нефритъ темно-зеленаго цвѣта, состоящій изъ двухъ составленныхъ

1) Шейбаниада, исторія монголо-тюрковъ. Изд. И. Березина. Казань, 1849.

2) Труды Пекинской Духовной Миссіи. Т. IV.

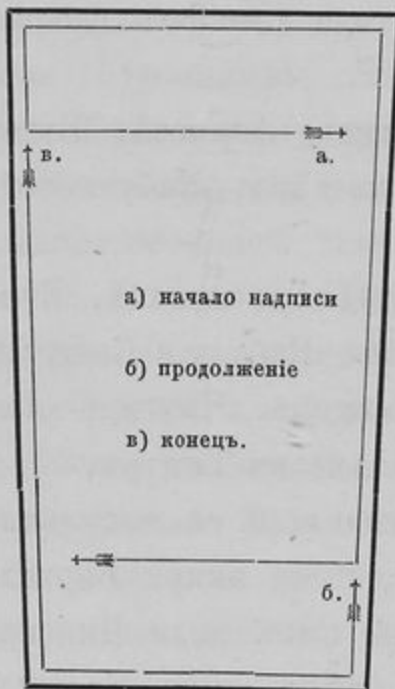
3) Histoire de Timurbec. Trad. Petis de la Croix. Paris, 1722. Т. IV, р. 228.

4) 17-го шаабана, во вторникъ вечеромъ, 807 года.

глыбѣ, единственныхъ по своимъ большимъ размѣрамъ. Величина всего памятника слѣдующая: длина — 1,92 метра, ширина вверху — 36,75 см., внизу — 34 см., высота — 30 см.; ширина надписи — 5,75 см.¹⁾ Надпись расположена по краямъ и въ двѣ линіи поперекъ; поле ничѣмъ не занято. Съ боку, въ ногахъ, надпись, изъ которой явствуетъ, что камень этотъ перевезенъ по повелѣнію Улугъ-бека изъ Ардана (или Дурдана), близъ Карши, въ столицу, т.-е. въ Самаркандъ.

Родословная Тамерлана представлена въ такомъ видѣ:

„Это могила султана величайшаго, хакана благороднѣйшаго, эмира Тимура-кур-гана, сына эмира Тарагая, сына эмира Баркаля, сына эмира Абхаля, сына эмира Карачаръ-нойяна, сына эмира Сугучджана, сына эмира Ирдамчи, сына эмира Куджулай, сына Тумнай-хана. Генеалогія Чингисъ-хана развѣтвляется отъ этого же корня и доходитъ до султана славнѣйшаго, погребеннаго въ этой могилѣ — чрезмѣрная слава и превосходство, потому что Чингисъ-ханъ сынъ эмира Ёсукая, а этотъ сынъ эмира Босангира, сынъ Кайду-хана, сынъ эмира Тумная, сынъ эмира Бука, сынъ эмира Буданджара. И неизвѣстенъ отецъ этого славнаго мужа, но мать — Илангоа, добродѣтельная и цѣломудренная, которая не была распутною, а забеременѣла отъ луча свѣта, спустившагося на нее сверху двери²⁾ И говорятъ, что онъ (Тимуръ?) происходитъ отъ потомковъ повелителя правовѣрныхъ, Али сына Аби-Талиба³⁾ Скончался въ



ночь 14 шаабана 807 года.

Такова родословная Тамерлана. Онъ оказывается потомкомъ Чингисъ-хана, что въ Средней Азіи имѣло, имѣетъ отчасти и теперь, важное значеніе.

Надписи надгробныхъ памятниковъ считаются данными вполне надежными, ссы- латься на которыя готовъ всякій изслѣдователь; но надо осторожно относиться къ та- кимъ, которыя, кромѣ указанія о смерти извѣстнаго лица, преслѣдуютъ еще какія-либо инныя, постороннія цѣли. Памятникъ Тимура служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Тамерланъ не происходилъ отъ Чингисъ-хана ни по мужской линіи, ни по жен- ской; послѣдняя, впрочемъ, въ виду и не имѣется. Несообразности въ этой сочинен- ной генеалогіи выдають сами себя и никакъ не вяжутся съ дѣйствительностію, которая намъ хорошо извѣстна, благодаря обилію источниковъ для Тимурова времени.

Сочинить громкую родословную выдающемуся дѣятелю считается во многихъ стра- нахъ Азіи необходимостію. Въ такомъ случаѣ и народъ легче переноситъ деспотизмъ какого-нибудь выскочки, да и этотъ послѣдній пріобрѣтаетъ больше правъ для своего произвола. Самому Чингисъ-хану, сына простого десятника, начавшему свою карьеру

1) Мушкетовъ, «Туркестанъ». Спб., 1886. Стр. 378.

2) Чтеніе надписи затруднительно вслѣдствіе порчи ея.

3) Мѣсто темное.

разбоями и грабежомъ, тоже сочинили удивительное родословіе, хотя самъ онъ вовсе въ немъ и не нуждался¹⁾).

Что Тамерланъ не происходилъ отъ Чингисъ-хана, въ этомъ убѣждаютъ насъ всѣ поступки Тамерлана и обстоятельства его возвышенія. Иначе зачѣмъ бы ему было укрываться за чингизидовъ, даже *оглановъ*, т.-е. не царствовавшихъ потомковъ Чингиса? А извѣстно, что Тамерланъ, подчинивъ себѣ всю Среднюю Азію, не рѣшился объявить себя ханомъ, а провозглашалъ ханами сперва Сююргатмыша, а потомъ Махмуда, которые не имѣли никакого значенія и которыхъ Тамерланъ во время походовъ возилъ съ собою въ обозѣ. И не одинъ Тимуръ только поступалъ такимъ образомъ, а и всѣ другіе вліятельные честолюбцы, которые, по своему происхожденію, не имѣли права на престолъ. Обыкновенно такіе честолюбцы предоставляли своимъ потомкамъ устранить эфемерныхъ хановъ и занять ихъ мѣсто. Тимуръ же подъ конецъ своей жизни самъ порѣшилъ съ подставными ханами, и въ этомъ еще разъ выказалась сильная натура этого необыкновеннаго человѣка. Ханскаго титула онъ, однако, не присвоилъ, остался попрежнему эмиромъ и „зятѣмъ“. *Зять* значитъ — породнившійся съ царскимъ родомъ. Это очень важный на Востокъ титулъ. На чтѣ бы такой титулъ Тимуру, если бъ онъ самъ былъ царскаго происхожденія?

Придворные льстецы, признавая Тамерлана потомкомъ Чингиса, сами какъ будто чувствовали шаткость своихъ положеній; ихъ переходъ къ Чингису сдѣланъ довольно ловко: „потомъ слѣдуетъ Чингисъ-ханъ“ — написали они; но не сообразили того, что предки послѣдняго въ глубинѣ Монголіи не могли носить мусульманскій титулъ эмировъ.

Но историки независимые приходили по поводу Тимурова родословія въ недоумѣніе. Такъ, Ибнъ-Хальдунъ (умеръ въ 1406 г.) въ главѣ о Джагатаидахъ (т.-е. потомкахъ Джагатая, сына Чингисханова) замѣчаетъ: „когда пресѣклась династія Чингисханидовъ, и они разбрелись въ разныя стороны, то вслѣдъ за господствомъ этихъ Джагатаидовъ въ Самаркандѣ и въ Мавераннагрѣ явился царь, по имени Тимуръ. Я не знаю, какъ родословная его связана съ ними. Говорятъ, что онъ не изъ ихъ рода, а что онъ только захватилъ отрока, происходившаго отъ одного изъ царей ихъ, и называвшагося Тогтамышемъ (читай: Сююргатмышемъ) или Махмудомъ — имя его было забыто — послѣ гибели отца его, самовластно распоряжался имъ и былъ однимъ изъ эмировъ ихъ (Джагатаидовъ)... Я не знаю, точно ли онъ родомъ изъ Джагатаидовъ или происходитъ отъ одного изъ союзниковъ и приверженцевъ ихъ“²⁾).

На Тимуровомъ родословіи не было бы надобности долго останавливаться, если бъ оно не характеризовало такъ хорошо Востокъ и его нравы. Но мы идемъ еще дальше. Намъ кажется, что Тимуръ былъ сильно причастенъ составленію своего генеалогическаго древа. Для него очень важно облагородить свое происхожденіе, чтобы упрочить власть за собою и за дѣтьми своими. Извѣстно, что Тимуръ очень заботился о томъ, съ какою молвою перейдетъ онъ въ потомство, и при жизни еще принималъ мѣры

¹⁾ Кажется, въ этомъ случаѣ дѣло не обошлось безъ китайскаго вліянія. Рожденіе Илангоей трехъ сыновей безъ мужа, а отъ свѣта, проникшаго черезъ верхъ палатки, даетъ поводъ къ такому предположенію.

²⁾ *Тизенгаузенъ*, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Золотой орды». Стран. 390, примѣч. 2.

къ благопріятной для себя репутаціи въ будущемъ. Шерефъ-эд-Динъ говоритъ, что Тимуръ потребовалъ отъ него описаніе своихъ походовъ на *просмотръ*, для исправленія, „чтобы не вкралось въ это описаніе какихъ-либо невѣрностей“ — наивно замѣчаетъ историкъ. Понятно, что при такомъ условіи авторъ всю правду не выскажетъ, побережетъ ее для себя, а никакъ ужъ не для потомства. Такъ предусмотрителенъ былъ Тамерланъ. Окончательно же вопросъ объ этомъ участіи можетъ быть рѣшенъ осмотромъ гробницъ отца Тимурова и старшаго сына, находящихся въ Кешъ, если только на нихъ окажутся надписи. Что генеалогіи придавалось важное значеніе, можно видѣть изъ памятника Миранъ-шаха, скончавшагося вскорѣ послѣ смерти Тимура. Тамъ приводится та же самая родословная, и объ ней, видно, такъ заботились, что упустили самое существенное, что особенно наблюдается на мусульманскихъ памятникахъ: забыли выставить годъ смерти Миранъ-шаха.



ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1887.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВОСЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр. 9 лнн., № 12.

1888.

Замѣтка о Курганахъ Туркестанскаго края.

Искусственныя возвышенія, насыпи, извѣстныя у насъ подъ именемъ кургановъ или могилъ, въ западномъ Туркестанѣ называются теперь не иначе, какъ *тепэ* (или *тобе*) — «холмъ». Слово же «курганъ», несомнѣнно употреблявшееся для такихъ насыпей въ древности, удержалось только въ именахъ городовъ и селеній: *Аны-курганъ* («Новый курганъ»), *Катты-курганъ* («Большой курганъ»), *Учъ-курганъ* («Три кургана») и т. д. Курганы могильные, крѣпостцы разрушенныхъ городовъ (*калга*) и отдѣльно стоящія укрѣпленія — все это *тепэ*. Въ народной памяти не сохранилось никакихъ преданій о насыпаніи земляныхъ холмовъ надъ могилами предковъ, по крайней мѣрѣ мы не приходило ихъ слышать, какъ ни разу не слыхалъ я отъ туземцевъ, что подъ курганами могутъ быть скрыты могилы¹⁾. Происхожденіе кургановъ объясняютъ они иначе, въ родѣ того, что нѣкоторые предводители азіатскихъ племени, какъ напримѣръ Чингизъ-ханъ, при помощи кургановъ, насыпанныхъ до и послѣ похода, узнавали количество павшихъ воиновъ своихъ.

Считаю нужнымъ оговориться, что могильныхъ кургановъ я не раскопывалъ, такъ какъ имѣлъ задачу другаго рода, а коснуться ихъ мимоходомъ не находилъ удобнымъ, но гдѣ представлялся случай, свѣдѣнія о нихъ собиралъ постоянно. Курганы этого рода расположены и въ одиночку, тогда достигаютъ значительной высоты (саженъ до 3, 4 и болѣе), и группами, представляющими сплошное кладбище и извѣстными у мѣстныхъ жи-

1) Туркестанцамъ извѣстно только назначеніе насыпей изъ камней *курумовъ* (изслѣдованныхъ мною въ Ферганской области). Эти могилы называются у нихъ *мукъ-хонэ* — «домъ» Муковъ, народа, нѣкогда обитавшаго, по ихъ мнѣнію, въ долинѣ Сыръ-дарьи.

телей подъ именемъ *минъ-тепэ* — «тысяча холмовъ», тогда высота кургановъ только около сажени. Одну такую группу видѣлъ я по дорогѣ изъ Ташкента въ Ходжентъ, верстахъ въ 45 отъ перваго, другую на пути изъ Той-тепэ въ Намданакъ, третью у станціи Карачкумъ по дорогѣ въ Коканъ, четвертую между г. Ошемъ и селеніемъ Узгентъ, а о пятой, повидимому самой многочисленной и находящейся въ Маргеланскомъ уѣздѣ Ферганской области, только слышалъ. Ни въ Зеравшанской области, ни въ Бухарскомъ ханствѣ, отъ границы его у г. Катты-кургана до самой столицы, такихъ кладбищъ не имѣется и существуютъ ли они въ другихъ мѣстахъ, не знаю. Въ минъ-тепэ находятся разныя мелкія вещи: бусы, пряжки, кольца, металлическія зеркала, и т. п. Нѣкоторые изъ такихъ предметовъ были мною приобрѣтены у жителей.

То обстоятельство, что минъ-тепэ находятся только близъ Сыръ-дарьи и не простираются южнѣе, т. е. въ долину Аму-дарьи, даетъ поводъ заключать о возведеніи ихъ народами кочевыми, съиздавна хозяйничавшими въ этихъ мѣстахъ.

Наоборотъ, насыпи другаго рода, т. е. курганы-укрѣпленія сооружены народами осѣдлыми для обороны главнымъ образомъ отъ кочевниковъ. Укрѣпленія кочевникамъ не нужны, и они ихъ не строятъ¹⁾. Если нападеніе произведено на кочевниковъ, и дать отпоръ они не въ силахъ, то спасаются бѣгствомъ вмѣстѣ со своими стадами, которыя не могутъ помѣститься ни въ какую крѣпость, а если бы и помѣстились, то перемерли бы отъ безкормицы во время осады. Кочевникъ безъ стада человѣкъ пропащій, иногда даже лишенный средствъ къ существованію.

Нѣкоторыя такія тепэ представляютъ правильныя усѣченныя пирамиды, это — цитадели небольшихъ городковъ со стѣнами или даже безъ стѣнъ. Къ первому типу можно отнести городище Той-тепэ (въ 35 верстахъ отъ Ташкента по дорогѣ въ Ходжентъ), ко второму — городища въ Бухарскомъ ханствѣ по долинѣ Зеравшана. Нѣкоторые курганы стоятъ особнякомъ и городовъ при себѣ не имѣютъ, какъ напримѣръ, *Чорлокъ-тепэ* верстахъ въ 40 на сѣверъ отъ Ташкента. Холмъ этотъ конусообразной формы, высотой 25 сажень; подъемъ на площадку, имѣющую 100 сажень въ окружности, очень крутъ. Лѣтъ 7 — 8 тому назадъ здѣсь случайно найденъ былъ большой кладъ серебряныхъ тимуридскихъ монетъ и 3 золотыя

1) Крѣпости у Туркменъ должны быть, по моему мнѣнію, дѣломъ рукъ прежняго осѣдлаго населенія. Туркмены до послѣдняго времени представляли разбойничье гнѣздо, а потому поддерживали старинныя крѣпости на случай обороны отъ сосѣдей, когда тѣ рѣшались обуздать хищниковъ. Кромѣ того Туркмены занимались земледѣліемъ, и въ этомъ случаѣ крѣпостцы имъ были не лишни.

серьги. Часть находки была отобрана начальствомъ, но большинство ея разошлося по рукамъ. Раскопки, мною тамъ произведенныя, дали слѣдующіе результаты: съ сѣверной стороны откоса обнаружилась глинобитная стѣна въ аршинъ толщиною, затѣмъ шли цилиндрическіе колодцы для спуска нечистотъ — непремѣнный признакъ жилья. Изъ вещей найдено: маленькій глиняный кувшинчикъ; смальтовые бусы и привѣски; битое стекло отъ разной посуды; два желѣзные ножа, одинъ прямой, другой серповидной формы; каменная подставка на трехъ ножкахъ; мѣдная лампочка (*чиракъ*); мѣдная монета такъ называемыхъ Бухарь-худатовъ; большая глиняная корчага, высотой 1 арш. 10 вершковъ, а внутри ея 3 ручныхъ жернова; много черепковъ глиняной посуды; зола, въ западной сторонѣ кургана; камни, которыми, повидимому, была вымощена площадь, или они служили для скрѣпленія насыпи.

Академикъ Миддендорфъ въ своихъ Очеркахъ Ферганской долины не признаетъ среднеазиатскіе курганы за искусственныя насыпи, за дѣло рукъ человѣческихъ, и предполагаетъ, что люди только воспользовались работою природы и приспособили нѣкоторыя возвышенности для своихъ надобностей. Не знаю, быть можетъ почтенный академикъ и встрѣчалъ такое явленіе и въ немъ нѣтъ ничего страннаго, но я лично имѣлъ дѣло только съ насыпными курганами¹⁾.

Приходилось мнѣ производить раскопки и въ другихъ курганахъ, но меньшей величины, сажень до 3 — 4-хъ, и всѣ они оказывались содержащими въ себѣ жилья помѣщенія, имѣли глинобитныя стѣны обращенныя наружу, но съ пристройкой домовъ къ внутренней сторонѣ. Таковы: *Калаян-тепэ* близъ кишлака Ашту, *Мунчаъ-тепэ* у города Чуста въ Ферганѣ. Таковы, надо полагать и курганы въ Зеравшанской области, судя по тѣмъ изъ нихъ, которые мнѣ удалось осмотрѣть. Они внутри также имѣютъ стѣны глинобитныя и колодцы, проникающіе въ материкъ. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи курганъ въ Бухарскомъ ханствѣ между кишлакомъ Ширинъ-хатунъ и городомъ Зія-эд-диномъ (древній Дебусія). Курганъ разрѣзанъ пополамъ сверху до низу, и сѣверная половина его снесена, почему онъ и называется *Ярымъ-тепэ* («Полъ-холма»). Курганъ высотой сажень 5 и не осыпается, такъ какъ разрѣзъ пришелся по стѣнѣ зданія: стѣны зданія, двери, промежутки между стѣнами, все это отлично обрисо-

1) Не буду настаивать на такомъ свойствѣ кургановъ въ одномъ только случаѣ, и какъ разъ относительно Чорлокъ-тепэ, такъ какъ производилъ тамъ раскопки въ январѣ мѣсяцѣ, когда склоны кургана были покрыты снѣгомъ; но верхъ тепэ несомнѣнно насыпной.

валось въ профили кургана. Постройка расположена на высотѣ 3—4 сажень. Вершины нѣкоторыхъ изъ такихъ кургановъ представляютъ довольно значительныя площадки, сажень до 10 въ поперечникѣ; но встрѣчаются тепѣ и совершенно конусообразныя, такого же вида, какъ могильныя курганы на югѣ Россіи. Признаюсь, эти послѣдніе и смущаютъ и интригуютъ меня, возбуждая вопросъ такого рода: не были ли первоначально всѣ курганы могильными, и уже потомъ въ мусульманскій періодъ, население придумало утилизировать ихъ для стратегическимъ цѣлей, а убѣдившись въ ихъ пригодности для обороны, стало сооружать по образцу ихъ уже просто возвышенности съ приспособленіями для жилья небольшого гарнизона или стражи? Строго систематическія раскопки кургановъ дадутъ тотъ или другой отвѣтъ на этотъ вопросъ и во всякомъ случаѣ обогатятъ насъ важными открытіями въ области исторіи и археологіи. Конусообразные курганы видѣлъ я въ Кураминскомъ уѣздѣ и по Зеравшану. Въ послѣднемъ районѣ ихъ однако немного. Большинство Зеравшанскихъ кургановъ отличается иною формою: они не высоки (сажени 4—5), имѣютъ крутые склоны, какъ будто обтесанные; а нѣкоторые и дѣйствительно обтесаны для цѣлей хозяйственныхъ, какъ сейчасъ увидимъ.

Въ этихъ курганахъ попадаются разныя мелкія вещи: монеты, бусы, домашняя утварь, и т. п., но потому ли, что такая добыча не заманчива, или потому, что въ нашихъ предѣлахъ раскопки запрещены, а въ Бухарѣ онѣ даже опасны, только не приходилось мнѣ слышать о раскопываніи кургановъ туземными жителями; находки же объясняются или случайностью, или вымываніемъ предметовъ весенними потоками воды, и это дѣйствительно такъ. Тѣмъ не менѣе курганы истребляются. Насынная земля (*лѣсъ*), отдыхавшая въ теченіи многихъ столѣтій, обладаетъ необыкновенною производительною силою, и туземцы употребляютъ эту землю, какъ удобреніе. Они оскабливаютъ курганы и развозятъ землю по своимъ пашнямъ. Участки, въ которыхъ находятся курганы, цѣнятся дороже тѣхъ, въ которыхъ кургановъ не имѣется. Оттого многіе курганы утратили свою первоначальную форму и подвергаются опасности исчезнуть безъ слѣда. Уцѣлѣютъ только тѣ, которые служатъ кладбищами для покойниковъ окрестнаго населенія, какъ напримѣръ, *Саросія-тепѣ* въ 6 верстахъ отъ Каттыкургана на сѣверѣ, представляющее нѣсколько наслоеній могилъ, да продержутся долѣе другіе курганы на землѣ частныхъ владѣльцевъ (*Чашъ-тепѣ* — въ 2 верстахъ отъ того же города), которые не дозволяютъ своимъ сосѣдямъ пользоваться землею изъ кургановъ. При сниманіи земли на удобреніе полей происходитъ такое явленіе: вмѣстѣ съ землею незамѣтно захватываются и тѣ предметы, которые находятся въ курганѣ, а потомъ они и обнаружи-

ваются на поляхъ. Каттыкурганскій уѣздный начальникъ, полковникъ Войцеховичъ, передалъ мнѣ двѣ серебряныя головки, прелестной работы, отъ какой-то статуетки, найденныя однимъ сартомъ на своей пашнѣ¹⁾. По разслѣдованіи дѣла оказалось, что сартъ этотъ бралъ землю съ кургана *Дурбишг-тепэ* (или *Дервишг-тепэ*) (находящагося въ 8 верстахъ отъ Каттыкургана) и по всей вѣроятности задѣлъ тамъ и головки. Заинтересовавшись этимъ тепэ, я не упустилъ случая осмотрѣть его. Въ то время *Дурбишг-тепэ* имѣло высоту съ восточной стороны 16 аршинъ, съ западной — 13. Вершина его представляла площадь до 16 сажень въ длину и 9 въ ширину. Со всѣхъ почти сторонъ обстроено оно саклями, и жители обточили его значительно; цилиндрическіе колодцы сохранились вполне. Верстахъ въ 2-хъ отъ *Дурбишг-тепэ*, ближе къ Каттыкургану находится старинная, теперь въ развалинахъ, крѣпость *Сары-нуль*, очень интересная по своему устройству; а на сѣверъ отъ этого кургана видѣнъ цѣлый рядъ подобныхъ же: *Амонг-ходжа*, *Кара-бура* и другіе, названія которыхъ не могли сообщить мнѣ мои проводники.

Въ настоящее время Туркестанскіе курганы подверглись уже серьезному изслѣдованію со стороны мѣстныхъ русскихъ дѣятелей; но полученный матеріалъ не настолько еще обиленъ, чтобы можно было приступить къ какимъ либо выводамъ и обобщеніямъ: это дѣло будущаго.

Въ заключеніе считаю нужнымъ привести списокъ извѣстныхъ мнѣ кургановъ, на которые археологамъ современемъ слѣдовало бы обратить свое вниманіе.

Курганы близъ Ташкента. Ихъ очень много, я отмѣчу только слѣдующіе: *Кугей* (или *Кураитг-тепэ*) на Саларѣ, *Кырчинг-тепэ* на Кизыльсаѣ, въ 5 верстахъ отъ Намданака, *Каударг-тепэ* между Намданакомъ и Той-тюбе, *Карахатай-тепэ* въ 35 верстахъ отъ Той-тюбе на сѣверо-востокъ, *Хоновотг-тепэ* на Чирчикѣ близъ Куйлюка²⁾.

Курганы вдоль почтовой дороги отъ Ташкента въ Ходжентъ: *Чибинг-тепэ* (курганъ Муха), не доѣзжая 10 верстъ до Той-тюбе. Имѣетъ конусообразную форму. Коканскіе ханы, Омаръ и Мадали, пріѣзжали сюда на соколиную охоту, и здѣсь имъ устроивалась палатка. *Кара-тепэ* при Карасу. *Уртасарай-тепэ*. За Той-тюбе большое пространство занимаетъ *Минг-тепэ*, а далѣе находится курганъ *Емышг Казы*, противъ котораго *Кокг-тепэ*, а затѣмъ надъ рѣкою Ангреномъ *Масляхатг-тепэ*; у Бискента

1) Головки эти представлены мною въ И. Археологическую Комиссію.

2) Разслѣдованіе могильныхъ кургановъ близъ Ташкента весьма успѣшно производится Н. П. Остроумовымъ.

Акъ-тепэ; не доѣзжая Уральской станціи — *Карауи-тепэ* и затѣмъ *Кундикъ-тепэ*; здѣсь много кургановъ группами и отдѣльно стоящихъ.

По тракту изъ Маргелана въ Андиджанъ. На границѣ этихъ уѣздовъ находится нѣсколько тепэ разрытыхъ мѣстными жителями. Близъ кишлака Кува курганы разной величины, а у самаго кишлака большой курганъ *Кайкобадъ-тепэ*.

По тракту изъ Казалинска въ Ташкентъ. Между станціями Ташъ-саутъ и Сауранъ находятся два большіе курганы; нѣсколько ихъ расположено у Саурана. Передъ станціей Арысь 6 кургановъ рядомъ. Много ихъ и по рѣкѣ Арысь.

Курганы по тракту изъ Ташкента въ Самаркандъ. Въ разныхъ мѣстахъ до первой станціи, Ниязъ-башъ, много кургановъ и городищъ съ цитаделями, а близъ самой станціи число кургановъ особенно увеличивается: въ одномъ только мѣстѣ я насчиталъ 15 большихъ и 10 малыхъ, и по нѣскольку стоятъ рядомъ. Года два тому назадъ, во время земляныхъ работъ, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ обнаружались погребальныя урны¹⁾. Такіе же курганы расположены и близъ стараго Ташкента, развалины котораго (въ 40 верстахъ отъ нынѣшняго) занимаютъ очень большое пространство, и на пути въ Чиназъ. Особенно рельефно выступаютъ курганы въ Голодной степи, иногда по нѣскольку вмѣстѣ, какъ у станцій Малекъ, Мурза-робатъ; у Агачты три кургана, столько же у станціи Учъ-тюбе, изъ которыхъ два несомнѣнно могильные. Курганы тянутся и за Тамерлановыми воротами и далѣе къ Яныкургану, Каменному мосту, и къ Самарканду.

Курганы въ Самаркандской области: Бахи-тепэ, — по преданію во времена Афросіаба тамъ былъ построенъ языческій храмъ, въ которомъ совершались жертвоприношенія при большомъ стеченіи народа²⁾. *Козъ-хона* (Гусиная хата), *Найманъ*, *Мирза* и др.

Курганы въ Бухарскомъ ханствѣ. Вдоль Зеравшана тянутся большіе курганы до самой Бухары. За Бустаномъ: *Гудакъ-тепэ*, *Муджизъ-тепэ*. До Куюкъ-мазара мною насчитано 15 кургановъ (8 на правой сторонѣ дороги и 7 на лѣвой), изъ нихъ значительнѣе: *Вакфъ-тепэ*, *Тизъ-тепэ*. Большинство изъ нихъ болѣе или менѣе пострадало.

1) «Археологическая находка близъ Ташкента» въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ 1886 г., № 17.

2) «Туркестанскія Вѣдомости» 1873 г., № 4.

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

1893—1894.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1894.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Замѣтка о стеелянномъ производствѣ въ Средней Азіи.

Археологическія изслѣдованія въ Средней Азіи, хотя еще очень мало-численныя, обнаружили, однако, поразительное количество стекляннѣхъ пздѣлій, преимущественно посуды разнаго вида, бывшѣхъ въ большемъ употребленіи у средне-азіатцевъ въ глубокой древности. Основываясь на этомъ пзобиліи стекла, изслѣдователи приходили къ выводу, что оно не привозное, а мѣстнаго производства, что подтверждалось и присутствіемъ окалинъ. Для скептиковъ же можно привести письменное о томъ свидѣтельство V вѣка по Р. Хр., находящееся въ китайской лѣтописи Бэй-ши. О. Іакинѣвъ Бичуринъ помѣстилъ это свидѣтельство въ «Собраніи свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи» (СПб., 1851 г., ч. III, стр. 172). А. О. Ивановскій, по нашей просьбѣ, провѣрилъ переводъ г. Іакинѣова и нашелъ тамъ нѣкоторыя неточности. Вотъ этотъ исправленный переводъ:

«Во время (Вэйскаго императора) Тай-ву (ди) люди этого государства (Большаго Юэ-чжи), производя торговлю, прибыли въ столицу (424 г.); о себѣ они говорили, что могутъ, расплавивши камни, приготовить стекла (лю-ли) пяти цвѣтовъ (разноцвѣтныя). При такихъ обстоятельствахъ онъ набралъ руды 礦 въ горахъ и пропзвелъ плавку въ столицѣ. По окончаніи, (полученныя стекла) по блеску оказались лучше доставлявшихся пзъ западныхъ странъ. Тогда императоръ приказалъ сдѣлать (изъ нихъ) переносную тронную (залу) 行殿, вмѣщавшую 100 слишкомъ человекъ¹⁾. (Стекла здѣсь) были блестящихъ цвѣтовъ и прозрачны. Смотрѣвшіе постоянно поражались и приписывали сверхъестественное происхожденіе (神明所作). Съ этого времени стекло стало дешево, и люди болѣе не считали его драгоценностью»²⁾ (Бэй-ши, цз. 97, л. 21).

1) О. Іакинѣвъ перевелъ здѣсь такъ: «... государь указалъ ввести сін стекла изъ тронныхъ. Около ста человекъ обучались отливанію».

2) Тоже самое дословно припедено въ Вэнь-сянь-тунъ-као (Цз. 338, л. 2). А. О. II.

Въ VII и VIII вв. изъ земли Тухоло (Бактріана) посылались въ Китай стекла краснаго и пезмурднаго цвѣта. (Собр. свѣд. о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи, ч. III, стр. 255, 256). Н. Веселовскій.

Китайскія пѣсни въ Сѣверной Маньчжуріи.

Среди протонародія Сѣверной Маньчжуріи развита довольно сильно любовь къ китайскимъ пѣснямъ. Поютъ эти пѣсни и китайцы, и маньчжурцы, и даже дахуры. У маньчжуръ существуютъ пѣсни и на родномъ языкѣ (мною вывезено нѣсколько такихъ пѣсней, которыя скоро будутъ напечатаны), но они какъ-то стѣсняются ихъ пѣть, и потому почти нѣкогда не услышишь этихъ пѣсней, даже и въ маньчжурскихъ деревняхъ. Дахуры въ этомъ отношеніи смѣлѣе маньчжуръ: они распѣваютъ свои пѣсни, да только не понимаютъ, что они поютъ — въ ихъ пѣсняхъ вся суть въ заунывномъ, протяжномъ напѣвѣ, слова же не при чемъ и зачастую не имѣютъ никакого смысла. Такова напр. знаменитая по всему Забайкалью и по всей сѣверной Маньчжуріи пѣсня: *Нэйя*. . . . вся состоящая изъ вариаций двухъ словъ, съ прибавкою только въ концѣ *сан-доу-барз-ам-би* — «я терзаюсь въ душѣ»¹⁾.

Совсѣмъ не то съ китайскими пѣснями: какъ все китайское, онѣ имѣютъ сильное вліяніе на простодушныхъ обитателей края. Эти китайскія пѣсни смѣло распѣваетъ и деревенскій крестьянинъ, и городской рабочій, и станціонный ящикъ, и художникъ, расписывающій за незначительную посуточную плату домъ или кумирню. Пѣсни эти троякаго происхожденія. Наболѣе распространены пѣсни театральныя, т. е. взятія изъ піесъ, пущенныя на сценѣ. Обыкновенно это бываетъ входная арія героини какой-нибудь особенно понравившейся піесы изъ репертуара гостящей или гостившей въ городѣ и даже деревнѣ труппы. Женскія роли, какъ извѣстно, въ Китаѣ исполняются мушпами (обыкновенно подросткамъ) и, надо отдать честь такимъ актерамъ, очень недурно. Всѣ аріи женскихъ ролей поются высокимъ фальцетомъ, а это-то и есть высшее наслажденіе для китайца. Поэтому нерѣдко приходится видѣть такія комическія сцены: работаетъ лѣтомъ плотникъ чуть не саженаго роста, положимъ, надъ бревномъ, потъ льетъ съ него градомъ, такъ что онъ снялъ даже и рубашку, работаетъ

1) Несмотря на свой напѣвъ и эти заключительныя слова, эта пѣсня считается веселою: ее поютъ, когда душа полна чувства, даже 心樂 т. е. когда сердце радуется.

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона В. Р. Розена,

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1906.

(съ приложеніемъ семи таблицъ).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1907.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

337. Самаркандскія мечети. Альбомъ архитектурныхъ рисунковъ и чертежей. Вып. I, мечеть Гуръ-эмиръ. СПб., 1905.

Шведскій археологъ Мартинъ, состоявшій прежде при королевскомъ Археологическомъ и Историческомъ Музеѣ въ Стокгольмѣ, а нынѣ причисленный къ Шведскому посольству въ Константинополь въ качествѣ attaché, посѣтилъ въ 1894 г., г. Самаркандъ и, по возвращеніи оттуда, обратился къ министру финансовъ С. Ю. Витте съ письмомъ, отъ 28 января 1895 г., которымъ обращалъ его вниманіе на печальное состояніе памятниковъ эпохи Тамерлана и вмѣстѣ съ тѣмъ умолялъ, во имя науки, сдѣлать что возможно для научнаго описанія ихъ и поддержанія отъ разрушенія.

Статсъ-секретарь Витте, самъ совершившій поѣздку въ Среднюю Азію въ 1890 г. и вынесшій оттуда также грустное впечатлѣніе о печальномъ положеніи памятниковъ старины, не остался безучастнымъ къ обращенію г. Мартина и препроводилъ письмо послѣдняго съ своимъ заключеніемъ къ Августѣйшему Президенту Имп. Академіи Наукъ на его воззрѣніе. Конференція Академіи Наукъ постановила препроводить означенную переписку въ И. Археологическую Коммиссію съ тѣмъ, что не признаетъ ли Коммиссія возможнымъ при будущемъ командированіи лицъ въ Туркестанъ принять мѣры къ сохраненію памятниковъ старины того края. Археологическая Коммиссія, всесторонне обсудивъ затронутый вопросъ, пришла къ заключенію, что поддержаніе всѣхъ монументальныхъ памятниковъ Туркестанскаго края вообще и древнихъ самаркандскихъ мечетей въ особенности возможно лишь при тщательной ихъ реставраціи; а это потребовало бы такихъ громадныхъ матеріальныхъ средствъ, на полученіе которыхъ рассчитывать не было никакой надежды. Къ тому же нѣкоторыя зданія

пришли въ такое состояніе разрушенія, что легче ихъ разобрать и выстроить вновь, чѣмъ ремонтировать на уцѣлѣвшихъ остаткахъ. Къ числу такихъ памятниковъ принадлежитъ самое величественное сооруженіе Тамерлана — соборная мечеть его столицы, извѣстная въ народѣ подъ именемъ мечети Биби-ханымъ¹⁾. Болѣе цѣлесообразнымъ и менѣе дорогимъ средствомъ къ сохраненію памяти объ этихъ зданіяхъ въ потомствѣ было бы, по мнѣнію Коммиссіи, научное описаніе ихъ съ приложеніемъ точныхъ архитектурныхъ чертежей и рисунковъ въ краскахъ, т. е. мѣра, принятая въ западной Европѣ по отношенію къ тѣмъ монументальнымъ памятникамъ, спасти которые отъ неизбежнаго разрушенія не представлялось возможности. Чтобы подробнѣе рассмотреть это предположеніе и привести его къ реальному осуществленію, Коммиссія пригласила на особое совѣщаніе по этому предмету академиковъ В. П. Васильева, В. В. Радлова, бар. В. Р. Розена и К. Г. Залемана, а также профессора В. А. Жуковского. Совѣщаніе состоялось 15 апрѣля того же года и пришло къ заключенію, что помимо мѣръ, клонящихся къ охранѣ зданій въ ихъ настоящемъ видѣ, крайне желательно увѣковѣчить ихъ научнымъ изданіемъ, въ которое вошло бы, съ наибольшею полнотою детальное ихъ описаніе. Этотъ проэктъ встрѣтилъ поддержку и со стороны Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ. Въ то же время была составлена смѣта на производство работъ въ теченіе 1895-го года всего на сумму 4000 рублей. По всеподданнѣйшему докладу о томъ министра финансовъ С. Ю. Витте въ 26 день мая того же года Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: отпустить изъ суммъ государственнаго казначейства 4000 р. на расходы по снаряженію экспедиціи для собиранія матеріала по описанію древнихъ самаркандскихъ мечетей. Въ соединенномъ засѣданіи было постановлено просить предсѣдателя И. Археологической Коммиссіи графа А. А. Бобринскаго, принять на себя общее руководство всѣмъ предпріятіемъ, а ближайшее наблюденіе и исполненіе плана работъ было возложено на меня въ качествѣ старшаго члена той же Коммиссіи и профессора здѣшняго университета по кафедрѣ Исторіи Востока.

Архитектурныя и описательныя работы начались лѣтомъ того же 1895 года въ г. Самаркандѣ, при чемъ изъ ряда мечетей, воздвигнутыхъ Тамерланомъ, прежде всего взята для изслѣдованія усыпальница этого великаго завоевателя, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Гуръ-эмиръ, т. е. «могила эмира» (Тамерлана). Она состоитъ изъ двухъ частей:

1) Грандіозныя ворота этой мечети сильно пострадали во время землетрясенія, бывшаго въ Самаркандѣ 5 сентября 1897 года.

мечети собственно и ворота, послѣднія сооружены были нѣсколько позднѣе, повидимому внукомъ Тамерлана, Улугъ-бекомъ. Рисунки и чертежи этой мечети по точнымъ ея обмѣрамъ, т. е. самымъ документальнымъ образомъ, были исполнены въ три приѣма художниками-архитекторами П. П. Покрышкинымъ, взявшимъ на свою долю мечеть собственно, и А. В. Щусевымъ, зарисовавшимъ ворота. Въ тоже время шли работы по изготовленію такихъ же чертежей съ прочихъ мечетей времени Тамерлана. На всѣ эти работы было отпущено въ три срока 10.000 рублей; въ первый годъ 4000 р., въ два слѣдующіе по 3000 р. Въ виду того, что архитектурскій трудъ оцѣнивается обыкновенно высоко, приходилось приглашать на работы въ Самаркандѣ по преимуществу молодыхъ архитекторовъ изъ числа только что окончившихъ архитектурный классъ, еще не обремененныхъ строительными заказами и не избалованныхъ заработкомъ. Конечно, начинающіе дѣятели уступали въ опытности своимъ старшимъ товарищамъ; но за то они имѣли передъ ними и нѣкоторое преимущество: подвижность, позволявшую имъ взбираться для обмѣровъ на пункты не всегда безопасныя въ смыслѣ устойчивости, и усердіе къ работѣ, которой они предавались съ увлеченіемъ юности. При отсутствіи всякихъ признаковъ заносчивости, эти молодые художники шли на встрѣчу всѣмъ соображеніямъ и планамъ и сами высказывали свои предположенія, направленные къ лучшему осуществленію порученнаго имъ дѣла. При такихъ условіяхъ вести работу совмѣстно съ этими архитекторами являлось большимъ удовольствіемъ, и я особенно вспоминаю съ благодарностью имена П. П. Покрышкина и А. В. Щусева, раньше другихъ установившихъ приемы и принципы по изготовленію рисунковъ съ самаркандскихъ мечетей. Кромѣ мечети Гуръ-эмиръ, зарисованы: 1) соборная мечеть «Биби ханымъ», порталъ которой и нѣкоторыя детали самой мечети были зарисованы архитекторомъ-художникомъ Н. Н. Щербиною-Краморенко, а фасадъ самаго зданія П. П. Покрышкинымъ, и 2) нѣкоторыя части очень сложной мечети «Шахъ-зиндъ», гдѣ заключается цѣлый рядъ отдѣльныхъ усыпальницъ и небольшихъ мечетей. Здѣсь работы велись многими художниками въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Фотографическіе снимки были исполнены художникомъ С. М. Дудинымъ и фотографомъ И. Археологической Коммисіи Чистяковымъ.

Вышедшій нынѣ первый выпускъ альбома Самаркандскихъ мечетей представляеть, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, явленіе у насъ новое. Изъ заграничныхъ изданій подобнаго рода мы можемъ указать развѣ только на Monumentos architectonicos de España publicados de R. Orden y por disposicion del Ministerio de Fomento. Madrid. Подобныя

предпріятія доступны только правительству, ни одно ученое общество не въ состояніи взять на себя подобную задачу, а расчитывать на меценатовъ въ такихъ случаяхъ у насъ трудно.

Чтобы дать чертежи по возможности детальныя, принять былъ большой размѣръ бумаги, именно 76×56 с. м., и всетаки три таблицы пришлось сдѣлать двойного размѣра. Бумага для рисунковъ выписывалась изъ Страсбурга самаго высокаго качества.

Текстъ предисловія на русскомъ и французскомъ языкахъ украшенъ тремя рисунками: 1) верхней поверхности нефритоваго надгробія (سنگ سیاہ) надъ могилою Тамерлана, 2) передней стороны его мраморнаго надгробія (کوک تاش) и 3) погребальнаго склепа.

Н. Веселовскій.

338. Учебникъ тюркменскаго нарѣчія съ приложеніемъ сборника пословицъ и поговорокъ тюркменъ закаспійской области. Составилъ Агабековъ. Асхабадъ, 1904, IV+100+25.

Нарѣчія тюркменскихъ племенъ до сихъ поръ принадлежать еще къ числу тѣхъ, которыхъ не коснулось или мало коснулось *научное* изслѣдованіе *европейцевъ*¹⁾. Первый достойный вниманія опытъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ русскимъ ориенталистомъ Березиннымъ надъ нарѣчіемъ персидскихъ (астрабадскихъ) туркменовъ²⁾. Другой русскій востокѣдъ, Ильминскій произвелъ нѣсколько цѣнныхъ наблюденій надъ говорами юмудовъ и эсень-или³⁾. Рядъ маленькихъ и ненадежныхъ замѣтокъ скорѣе о письменномъ языкѣ туркменовъ далъ Вамбери⁴⁾.

До сихъ поръ не обращено еще также должнаго вниманія на свѣдѣнія о тюркменскихъ нарѣчіяхъ, имѣющіяся у *восточныхъ* филологовъ⁵⁾.

1) См. Phonetik der nördlichen Türksprachen von Dr. W. Radloff, Leipzig, 1882, стр. 290 и «Турецкія нарѣчія и литература», статья П. М. Меліоранскаго въ Энци. Сл. Брокгауза и Эфрона, т. 84, стр. 160.

2) Березинъ, Годичный отчетъ путешествующаго по востоку. Отд. отт. изъ Ж. М. Нар. Просв. за 1845 г. См. также его же: Recherches sur les dialectes musulmans. I. Système des dialectes turcs. Casan, 1848, гдѣ между прочимъ указывается, какое мѣсто давали туркменскому среди другихъ турецкихъ діалектовъ европейскіе филологи, начиная съ I. C. Adelung'a, въ своихъ классификаціяхъ человѣческихъ языковъ.

3) Ильминскій, Ueber die Sprache der Turkmenen. Aus einem Briefe des Herrn Ilmiansky an A. Schiefner (Orenburg, den 29. December, 1859), Mélanges asiatiques, t. IV, p. 63—74.

4) ZDMG, т. 33. Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machtumkuli's. Его же: Sogataische Sprachstudien. Leipzig, 1867.

5) О *туркменскомъ* нарѣчіи упоминается, напримѣръ, въ филологическомъ сочиненіи неизвѣстнаго араба, изданномъ П. М. Меліоранскимъ: Арабъ филологъ о турецкомъ языкѣ. СПб., 1900. Въ Британскомъ музеѣ имѣется рукопись, заключающая въ себѣ джагатайскую грамматику съ указаніемъ формъ кашгарскихъ, *туркменскихъ* и ногайскихъ, на пер-